

Висенте Бласко Ибаньесъ.

Толедскій соборъ.

Романъ.

Переводъ съ испанскаго Зин. Венгеровой.

Книгоиздательство "Современныя проблемы". Москва.-- 1911.

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

I.

Начинало свѣтать, когда Габріэль Луна подошелъ къ собору, но на узкихъ улицахъ Толедо была еще ночь. Голубой свѣтъ зари едва пробивался между выступами крышъ и разливался болѣе свободно только на маленькой площади Ayuntamiento. Изъ полумрака вырисовывались при блѣдномъ освѣщеніи зари невзрачный фасадъ архіепископскаго дворца и двѣ черныя башни городской ратуши -- мрачнаго зданія времени Карла Пятаго.

Габріэль долго ходилъ по пустынной маленькой площади, надвинувъ капюшонъ плаща до бровей и не переставая сильно кашлять. Не останавливаясь ни на минуту и стараясь защититъ себя ходьбой отъ холода, онъ смотрѣлъ на входъ въ соборъ со стороны площади -- на дверь Прощенія. Только съ этого фасада церковь имѣла величественный видъ. Луна вспомнилъ другіе знаменитые соборы, стоящіе на возвышеніи, выдѣляясь среди окружающихъ зданій, открытые со всѣхъ сторонъ, гордо выставляющіе на показъ свою красоту, и сравнивалъ ихъ мысленно съ толедскимъ соборомъ, праматерью испанскихъ церквей, тонущимъ въ потокъ окружающихъ зданій, которыя такъ застилаютъ его, что его внѣшнія украшенія виднѣются только въ просвѣтахъ сосѣднихъ узкихъ улицъ. Габріэль, хорошо знавшій внутреннюю красоту собора, вспоминалъ обманчивые съ виду дома на востокѣ, жалкіе снаружи, а внутри разукрашенные алебастромъ и филигранной работой. Не напрасно жили въ Толедо цѣлыми вѣками евреи и мавры. Ихъ нелюбовь къ внѣшней пышности, повидимому, повліяла и на архитектуру собора, утопающаго среди домовъ, которые тѣснятся вокругъ него, стараясь укрыться въ его тѣни.

Только на площади Ayuntamiento христіанскій храмъ могъ обнаружить все свое величіе. Тутъ, подъ открытымъ небомъ, возвышались при свѣтѣ зари три стрѣльчатыя арки главнаго фасада и колокольная, огромная, съ выступающими ребрами. Крышу ея образовалъ alcuzun -- какъ бы черная тіара съ тремя коронами, расплывавшаяся въ полумракѣ туманнаго свинцово-сѣраго зимняго утра.

Габріэль съ нѣжностью смотрѣлъ на закрытый тихій храмъ, гдѣ жили его родные и гдѣ онъ провелъ лучшее время своей жизни. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ!.. Онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать, чтобы открылись, наконецъ, двери собора.

Онъ пріѣхалъ въ Толедо изъ Мадрида наканунѣ вечеромъ. Прежде чѣмъ запереться въ своей маленькой комнаткѣ въ гостиницѣ del Saagre (прежней Meson del Sevillano, гдѣ жилъ Сервантесъ), ему непремѣнно хотѣлось взглянуть на соборъ. Онъ бродилъ около часа вокругъ него и слушалъ лай сторожевой собаки, испуганной шумомъ шаговъ въ тихихъ, мертвыхъ маленькихъ улицахъ. Вернувшись въ свою комнату, онъ не могъ заснуть отъ радости, что вернулся на родину послѣ долгихъ тяжелыхъ лѣтъ скитанія. Было еще темно, когда онъ снова вышелъ изъ гостиницы и направился къ собору, чтобы дожидаться открытія дверей.

Чтобы занять время ожиданія, онъ сталъ разглядывать красоты и недостатки храма, произнося вслухъ свои сужденія, какъ будто хотѣлъ призвать въ свидѣтели каменные скамьи и чахлая деревья маленькой площади.

Передъ входомъ въ церковь тянулась рѣшетка, верхъ которой украшенъ былъ вазами XVIII вѣка. За рѣшеткой была паперть, выложенная широкими плитами. Тамъ каноники устраивали въ прежнія времена торжественные пріемы, и тамъ выставлялись для забавы толпы въ праздничные дни "Гиганты" -- манекены громаднхъ размѣровъ.

Посрединѣ входа открывалась дверь Прощенія -- огромная, сводчатая, съ множествомъ уходившихъ вглубь и постепенно суживающихся стрѣльчатыхъ сводовъ, украшенныхъ статуями